

**COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS**

© Центр содействия международной защите, www.ip-centre.ru. Разрешение опубликовать этот перевод дано исключительно с целью его включения в базу данных Суда HUDOC.

© Centre of Assistance to International Protection, www.ip-centre.ru. Permission to republish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ИГНАТОВ против РОССИИ

(Жалоба № 27193/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

24 мая 2007

ВСТУПИЛО В СИЛУ
24/08/2007

В деле «Игнатов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая палатой в составе:

Х.Л. РОЗАКИСА, *Председателя*,
Л. ЛУКАИДЕСА,
Н. ВАЙИЧ,
А. КОВЛЕРА,
Х. ГАДЖИЕВА,
Д. ШПИЛЬМАННА,
С. Э. ЙЕБЕНСА, *судей*,

а также при участии С. Нильсена, *Регистратора секции*,
заседая за закрытыми дверями 3 мая 2007 г.,
вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Рассмотрение дела было инициировано жалобой (№27193/02) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России, г-ом Михаилом Вячеславовичем Игнатовым («заявитель») 29 мая 2002 г.

2. Интересы заявителя представляла г-жа К. Костромина, адвокат, практикующий в Москве. Интересы российского правительства («правительство») представлял г-н П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейской Суде по правам человека.

3. 25 мая 2005 г. Суд принял решение уведомить правительство о данной жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции, Суд решил рассмотреть вопросы по существу жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

4. Правительство возражало против одновременного рассмотрения жалобы по приемлемости и по существу. Рассмотрев возражения правительства, Суд отклонил их.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1963 г. и живет в Москве. На момент задержания заявитель был офицером милиции старшего звания. Он

работал в Центральном региональном управлении по борьбе с организованной преступностью.

А. Заключение заявителя под стражу и продление срока содержания под стражей до 25 декабря 2001

6. 4 мая 2001 г. заявителя вызвали на допрос в прокуратуру г. Москвы. После допроса заявитель был заключен под стражу по подозрению в вымогательстве взятки и в мошенничестве. Он был помещен в изолятор временного содержания ГУВД г. Москвы.

7. Через три дня заместитель прокурора г. Москвы санкционировал содержание заявителя под стражей. В соответствующем постановлении было указано, что заявитель заключается под стражу по подозрению в том, что он пообещал г-ну А. закрыть уголовное дело в отношении Н. и добиться его освобождения из-под стражи за взятку. Было высказано предположение, что заявитель может продолжить заниматься преступной деятельностью, скрыться от следствия и суда либо воспрепятствовать отправлению правосудия.

8. 11 мая 2001 г. заявитель был переведен в следственный изолятор № 77/1 г. Москва. По словам заявителя, милиционеры неоднократно приходили к нему и принуждали его к даче признательных показаний. После того, как он отказался признать свою вину, заявитель на шесть дней был помещен в штрафной изолятор.

9. 19 июня 2001 г. исполняющий обязанности прокурора по г. Москве вынес новое постановление, которым срок содержания заявителя под стражей был продлен до 3 сентября 2001 г. Впоследствии, 27 августа 2001 г., срок содержания заявителя под стражей был продлен до 25 октября 2001 г. В обоих случаях прокурор привел следующие основания для продления: заявитель обвинялся в совершении тяжких преступлений и в случае освобождения мог скрыться от следствия и суда или воспрепятствовать отправлению правосудия.

10. В августе 2001 г. заявителю было предъявлено обвинение в превышении должностных полномочий с применением насилия и оружия. В октябре 2001 г. ему было предъявлено дополнительное обвинение в незаконном хранении оружия и в получении взятки (квалифицированный состав).

11. 16 октября 2001 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации продлил срок содержания заявителя под стражей до 25 декабря 2001 г. Основания продления были аналогичны указанным в постановлениях от 19 июня и 27 августа 2001 г.

В. Первое ходатайство об отмене меры пресечения

12. 8 октября 2001 г. заявитель подал ходатайство об отмене меры пресечения в Преображенский районный суд г. Москвы. Заявитель указал, что имеет положительные характеристики и награды, постоянно проживает в г. Москве, работает и должен заботиться о тяжелобольной матери. Он отметил, что не намерен скрываться от следствия и суда либо препятствовать отправлению правосудия. Таким образом, не было необходимости в продолжении содержания под стражей.

13. 20 ноября 2001 г. Преображенский районный суд отклонил ходатайство заявителя об отмене меры пресечения. Районный суд указал, что, в виду данных о личности заявителя и тяжкого характера преступлений, в которых он обвиняется, его заключение и последующее содержание под стражей были законны.

14. 18 декабря 2001 г. Московский городской суд оставил решение от 20 ноября 2001 г. без изменений. Городской суд поддержал доводы районного суда.

С. Постановление от 17 декабря 2001 г. о продлении срока содержания под стражей до 4 апреля 2002 г.

15. 17 декабря 2001 г. Генеральный прокурор санкционировал содержание заявителя под стражей до 4 апреля 2002 г. В обоснование своего решения он привел те же доводы, которые были указаны в постановлении от 16 октября 2001 г.

16. Неделью спустя заявитель обжаловал данное постановление как незаконное в Преображенский районный суд г. Москвы. Заявитель ходатайствовал об освобождении.

17. 31 января 2002 г. Преображенский районный суд признал законность постановления от 17 декабря 2001 г., учитывая «тяжкий характер деяний, в совершении которых обвинялся заявитель, а также данные о личности и конкретные обстоятельства дела». Суд счел, что процессуальных нарушений не было, а значит, не было и оснований для освобождения заявителя.

18. 20 марта 2002 г. Московский городской суд оставил постановление от 31 января 2002 г. без изменений.

Д. Постановление от 20 марта 2002 г. о продлении срока содержания под стражей до 4 июня 2002

19. Ввиду тяжести предъявленного заявителю обвинения и необходимости проведения следственных действий, Генеральный

прокурор 20 марта 2002 г. продлил срок содержания заявителя под стражей до 4 июня 2002 г.

20. Заявитель обжаловал данное постановление в районный суд.

21. 10 апреля 2002 г. Преображенский районный суд, учитывая данные о личности заявителя и тяжкий характер предъявленного ему обвинения, признал законность обжалуемого постановления.

22. На следующий день заявитель обжаловал это решение.

23. 28 мая 2002 г. Московский городской суд отменил решение от 10 апреля 2002 г, так как решение генпрокуратуры от 20 марта 2002 г. не было вручено заявителю. Городской суд направил жалобу на новое рассмотрение.

24. 6 июня 2002 г. заявитель подал жалобу о нерассмотрении его ходатайства об освобождении, поданном в Преображенский районный суд. 17 июня 2002 г. он подал аналогичную жалобу в Московский городской суд.

25. 1 июля 2002 г. Преображенский районный суд прекратил производство по вопросу о содержании заявителя под стражей в связи с вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса. 4 июля 2002 г. районный суд уведомил заявителя о своем решении от 1 июля 2002 г.

Е. Постановление от 29 апреля 2002 г. о продлении срока содержания под стражей до 4 августа 2002 г.

26. 22 мая 2002 г. заявитель был уведомлен о том, что 29 апреля 2002 г. Генеральный прокурор продлил срок его содержания под стражей до 4 августа 2002 г. В тот же день заявитель подал жалобу в Преображенский районный суд. Заявитель утверждает, что его дважды доставляли в районный суд, но заседания переносились.

27. По утверждению правительства, Преображенский районный суд назначил два слушания, которые были отложены в связи с неявкой защитника заявителя. Правительство также указало, что решения по существу жалобы заявителя не принималось. Однако 1 июля 2002 г. районный суд прекратил производство по вопросу о содержании заявителя под стражей в связи с вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса.

Г. Судебное разбирательство и содержание заявителя под стражей во время суда.

1. Постановление о содержании заявителя под стражей от 12 июля 2002 г.

28. 28 июня 2002 г. дело было направлено в Московский городской суд для рассмотрения по существу.

29. 12 июля 2002 г. Московский городской суд провел предварительное слушание. Суд постановил «оставить без изменений» содержание заявителя под стражей.

2. Возвращение дела в прокуратуру и постановление от 2 августа 2002 г.

30. 2 августа 2002 г. Московский городской суд принял решение о возвращении уголовного дела прокурору для исправления процессуальных нарушений, допущенных при составлении обвинительного заключения. Городской суд постановил «оставить без изменения» содержание заявителя под стражей.

31. Прокурор г. Москвы и представители потерпевших обжаловали данное решение в Верховный Суд Российской Федерации. В то же время, адвокатом заявителя было заявлено ходатайство в Верховный Суд об оставлении решения от 2 августа 2002 г. без изменений в части необходимости исправления процессуальных нарушений, а также об освобождении заявителя.

32. 9 октября 2002 г. Верховный Суд отменил решение от 2 августа 2002 г. и направил дело в Московский городской суд для рассмотрения по существу. Верховный Суд постановил «оставить без изменения» меру пресечения в отношении заявителя. Суд сослался на отсутствие оснований для освобождения заявителя.

3. Постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей от 28 ноября 2002 г.

33. 28 ноября 2002 г. Московский городской суд назначил предварительное слушание на 19 декабря 2002 г. Суд принял решение об оставлении заявителя под стражей, не указав при этом соответствующих оснований и не указав срок продления меры пресечения.

34. Данное решение было отменено в кассации Верховным судом 18 марта 2003 г. в связи с процессуальными нарушениями. Верховный Суд принял решение об оставлении заявителя под стражей. Суд не указал каких-либо оснований для такого решения.

4. Постановление от 27 декабря 2002 г. о продлении срока содержания под стражей до 28 марта 2003 г.

35. 27 декабря 2002 г. Московский городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 28 марта 2003 г. Суд указал, что заявитель обвиняется в совершении преступления особой тяжести, в связи с чем необходимо продлить срок содержания его под стражей.

36. На следующий день заявитель обжаловал это решение. 18 марта 2003 г. Верховный Суд оставил решение Московского городского суда без изменений. Суд указал, что Московский городской суд принял правильное решение, учитывая тяжесть предъявленного заявителю обвинения и тот факт, что ранее установленный срок содержания под стражей истек.

5. Постановление от 17 марта 2003 г. о продлении срока содержания под стражей до 28 июня 2003 г.

37. 17 марта 2003 г. Московский городской суд постановил продлить срок содержания заявителя под стражей до 28 июня 2003 г. в связи с тяжестью предъявленного заявителю обвинения.

38. Два дня спустя заявитель обжаловал это решение.

39. 14 августа 2003 г. Верховный Суд оставил обжалуемое решение без изменений. Суд указал, что заявитель обвиняется в совершении тяжких преступлений, а также сослался на недостаточность оснований для его освобождения.

6. Ходатайство об отмене меры пресечения от 13 мая 2003 г.

40. 13 мая 2003 г. Московский городской суд провел предварительное слушание. Во время судебного заседания заявитель заявил ходатайство об освобождении. Московский городской суд отказал заявителю в удовлетворении ходатайства и назначил первое слушание по делу на 7 июня 2003 г. Городской суд отметил, что заявитель обвиняется в совершении тяжких преступлений и что «обстоятельства дела позволяют предположить, что заявитель может воспрепятствовать отправлению правосудия».

41. 23 мая 2003 г. заявитель обжаловал данное решение.

42. 13 августа 2003 г. Верховный Суд оставил данное решение без изменений. Суд сослался на тяжесть предъявленного заявителю обвинения как на основание, по которому его ходатайство об освобождении должно быть отклонено.

7. Постановление от 24 июня 2003 г. о продлении срока содержания под стражей до 28 сентября 2003 г.

43. 24 июня 2003 г. Московский городской суд принял решение о продлении срока содержания заявителя под стражей до 28 сентября

2003 г. в связи со сложностью дела и тяжестью предъявленного заявителю обвинения.

44. 4 июля 2003 г. заявитель обжаловал данное решение.

45. 4 сентября 2003 г. Верховный Суд оставил решение Московского городского суда без изменений. Суд указал, что заявитель обвиняется в совершении тяжких преступлений и что его доводы не были достаточными основаниями для освобождения.

8. Условия конвоирования заявителя и содержания под стражей в дни суда

46. В те дни, когда проходили судебные заседания, заявителя обычно будили в 4 часа утра, чтобы конвоировать в суд, где он проводил весь день. В следственный изолятор заявитель возвращался поздно ночью. По словам заявителя, в такие дни он не получал ни еды, ни питья.

9. Суд первой инстанции и кассация.

47. 18 августа 2003 г. Московский городской суд признал заявителя виновным в превышении должностных полномочий с отягчающими обстоятельствами, признал его невиновным в других вменяемых ему деяниях и приговорил его к трем годам лишения свободы. Заявитель был лишен права занимать должности в правоохранительных органах в течение трех лет.

48. 25 ноября 2003 г. Верховный Суд Российской Федерации оставил приговор 18 августа 2003 г. без изменений.

49. 30 декабря 2003 г. Преображенский районный суд г. Москвы вынес постановление об условно-досрочном освобождении заявителя.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

50. До 1 июля 2002 г. уголовно-процессуальные вопросы регулировались Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР (Закон от 27 октября 1960 г., «старый УПК»). С 1 июля 2002 г. старый УПК был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г., «новый УПК»).

A. Меры пресечения

51. Меры пресечения включают подписку о невыезде, личное поручительство, залог и заключение под стражу (статья 89 старого УПК, статья 98 нового УПК).

В. Органы, принимающие решение о заключении под стражу

52. В соответствии с Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г., заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению (статья 22).

По старому УПК, и прокурор, и суд могли вынести постановление о заключении под стражу (статьи 11, 89 и 96).

Новый УПК предусматривает принятие решения районным или городским судом по обоснованному ходатайству прокурора, с приложением материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства (статья 108, чч. 1, 3-6).

С. Основания для заключения под стражу

53. При решении вопроса о необходимости заключения обвиняемого под стражу, соответствующий орган должен установить наличие «достаточных оснований полагать», что данное лицо может скрыться от суда и следствия, воспрепятствовать установлению истины либо продолжить заниматься преступной деятельностью (статья 89 старого УПК). Данный орган должен также принять во внимание тяжесть преступления, сведения о личности обвиняемого, его род занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (статья 91 старого УПК, статья 99 нового УПК).

54. До 14 марта 2001 г. обвиняемый мог быть заключен под стражу, если он обвинялся в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года, либо при наличии в его деле «исключительных обстоятельств» (статья 96). 14 марта 2001 г. в старый УПК были внесены изменения, в соответствии с которыми заключение под стражу разрешалось только в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, за которое было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух лет, либо если ими была нарушена ранее избранная мера пресечения, они не имели постоянного места жительства в России или если невозможно было установить их личность. Законом от 14 марта 2001 г. также было отменено положение, по которому заключение обвиняемых под стражу было возможно по мотивам одной лишь опасности преступления. Данные положения перешли и в новый УПК (статьи 97 ч. 1 и 108 ч. 1). Также было добавлено положение о том, что лицо может быть заключено под стражу только при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения.

D. Сроки содержания под стражей

1. Два вида содержания под стражей

55. Оба кодекса предусматривают два вида содержания под стражей. Первое - «во время предварительного следствия», то есть пока компетентные власти – милиция или прокуратура – расследуют дело. Второе – «во время суда» (или «во время судопроизводства»), т.е. на стадии судебного разбирательства. Хотя на практике разницы между ними нет (обвиняемый содержится в одном следственном изоляторе), правила отсчета сроков разные.

2. Сроки содержания под стражей «во время предварительного следствия»

56. После задержания подозреваемый заключается под стражу «на время предварительного расследования». Максимальный период содержания под стражей «во время предварительного расследования» составляет два месяца, однако «в исключительных случаях» он может быть продлен до восемнадцати месяцев. По старому УПК, решения о продлении срока принимались вышестоящими прокурорами, однако по новому УПК такие решения принимаются в судебном порядке вышестоящими судами. Не допускается продление срока содержания под стражей «во время предварительного следствия» свыше восемнадцати месяцев (статья 97 старого УПК, статья 109 ч. 4 нового УПК).

57. Срок содержания под стражей «в период предварительного следствия» исчисляется до момента направления прокурором уголовного дела в суд (статья 97 старого УПК, статья 109 ч. 9 нового УПК).

58. Материалы уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому не позднее, чем за месяц до окончания предельного срока содержания под стражей (статья 97 старого УПК, статья 109 ч. 5 нового УПК). Если обвиняемому требуется больше времени для ознакомления с материалами уголовного дела, по ходатайству прокурора судья может продлить срок содержания под стражей до момента окончания ознакомления с материалами и направления дела в суд (статья 97 старого УПК, статья 109 ч. 8 (1) нового УПК). По старому УПК, в таком случае срок содержания под стражей мог быть продлен максимум на 6 месяцев.

59. По старому УПК, суд первой инстанции имел право направить дело на «дополнительное расследование», если им были установлены процессуальные нарушения, которые не могли быть исправлены в ходе судебного разбирательства. В таких случаях обвиняемый вновь считался содержащимся под стражей «во время предварительного

следствия» и продолжали применяться соответствующие сроки. Однако если дело было возвращено на дополнительное расследование, а следственные органы уже исчерпали сроки, отведенные на содержание под стражей «во время предварительного следствия», вышестоящий прокурор, тем не менее, мог продлить срок содержания под стражей еще на один месяц с момента получения им дела. Дополнительное продление срока содержания под стражей «во время предварительного расследования» было возможным только в том случае, если срок в восемнадцать месяцев еще не был превышен (статья 97).

3. Сроки содержания под стражей «во время суда» («во время судопроизводства»)

60. С момента направления прокурором дела в суд содержание обвиняемого под стражей рассматривалось как «во время суда» («во время судопроизводства»).

61. До 14 марта 2001 г. старый УПК не устанавливал предельных сроков содержания под стражей «во время судопроизводства». 14 марта 2001 г. была добавлена новая статья 239-1, которая устанавливала, что срок содержания под стражей «во время судопроизводства», как правило, не мог превышать шесть месяцев с момента поступления дела в суд. Однако в случае, если имелись доказательства того, что освобождение обвиняемого может препятствовать проведению полного, всестороннего и объективного рассмотрения дела, суд мог, по своей инициативе либо по ходатайству прокурора, продлить содержание под стражей, но не более чем на три месяца. Данные правила не применялись к лицам, обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений.

62. По новому УПК, срок содержания под стражей «во время судопроизводства» отсчитывается со дня поступления дела в суд до вынесения приговора. Как правило, срок содержания под стражей «во время судопроизводства» не может превышать шесть месяцев, однако если лицо обвиняется в совершении тяжких либо особо тяжких преступлений, суд первой инстанции вправе неоднократно продлевать срок содержания под стражей, но каждый раз не более чем на три месяца (статья 255 чч. 2 и 3).

Е. Процедура рассмотрения правомерности содержания под стражей

Во время содержания под стражей «в период предварительного следствия»

63. По старому УПК, лицо, содержащееся под стражей, либо его/ее защитник или представитель могли обжаловать в судебном порядке постановление прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также последующие постановления о продлении срока содержания под стражей. Судья должен был рассмотреть вопрос о законности и обоснованности соответствующих постановлений в течение трех дней после получения соответствующих материалов. Жалоба рассматривалась в закрытом заседании в присутствии прокурора и защитника обвиняемого, либо его представителя. Суд был обязан вызвать обвиняемого в судебное заседание. Рассмотрение жалобы в его отсутствие было возможным лишь в исключительных случаях, если обвиняемый по собственной воле отказывался присутствовать во время заседания. Судья мог отклонить жалобу либо отменить постановление и освободить обвиняемого (статья 220-1). Решение судьи могло быть обжаловано в вышестоящий суд. Жалобы подлежала рассмотрению в сроки, установленные для рассмотрения кассационных жалоб на приговор суд (см. ниже параграф 96) (статья 331).

64. По новому УПК, жалоба на постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока содержания под стражей подается в вышестоящий суд в течение трех дней. Кассационная инстанция должна принять решение по жалобе в течение трех дней с момента ее получения (статья 108 часть 10).

Во время судопроизводства

65. По поступившему к нему уголовному делу судья должен принять решение об оставлении обвиняемого под стражей на время суда либо об его освобождении (статьи 222 ч. 5 и 230 старого УПК, статьи 228 (3) и 231 ч. 2 (6) нового УПК), а также рассмотреть ходатайство обвиняемого об отмене меры пресечения (статья 223 старого УПК).

66. На любой стадии судопроизводства суд может принять решение об избрании, изменении или отмене любой меры пресечения, включая содержание под стражей (статья 260 старого УПК, статья 255 ч. 1 нового УПК). Такое решение выносится в совещательной комнате. Оно подписывается судьей либо всеми судьями, если дело

рассматривается коллегиально (статья 261 старого УПК, статья 256 нового УПК).

67. Данное решение может быть обжаловано в вышестоящий суд. Жалоба должна быть подана в течение десяти дней. Она рассматривается в тот же срок, что жалоба на приговор суда (статья 331 старого УПК, статья 255 ч. 4 нового УПК – см. ниже параграф 96).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 (с) КОНВЕНЦИИ

68. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 5 § 1 (с) Конвенции на то, что его содержание под стражей было незаконным. Статья 5 предусматривает в части, имеющей отношение к данному делу:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...”

A. Доводы сторон

69. Правительство утверждало, что содержание заявителя под стражей соответствовало национальному процессуальному законодательству и не было произвольным на протяжении всего своего срока. Сроки содержания заявителя под стражей регулярно продлевались компетентными национальными органами, прокурором или судом. Следовательно, по мнению правительства, жалоба заявителя по статье 5 § 1 (с) является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

70. Заявитель утверждал, что постановление о заключении под стражу и последующие постановления, продлевавшие срок содержания под стражей, были вынесены в нарушение национального законодательства. Следовательно, его содержание под стражей было незаконным на протяжении всего своего срока. Более того, отсутствовали основания для его задержания 4 мая 2001 г., а его

содержание под стражей с 17 мая по 19 июня 2001 г. не было санкционировано никаким правовым актом.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

71. С самого начала Суд отмечает, что часть жалобы заявителя относится к постановлениям о содержании под стражей, которые были вынесены более чем за шесть месяцев до того как он подал жалобу в Суд 29 мая 2002 г. Самое первое постановление о продлении срока содержания под стражей, которое может быть рассмотрено Судом, было вынесено 17 декабря 2001 г. Окончательное решение о законности этого постановления было сделано 20 марта 2002 г., т.е. в течение шести месяцев, предшествовавших подаче жалобы. Следовательно, Суд считает, что жалоба заявителя в части, которая касается постановлений о продлении, вынесенных до 17 декабря 2001 г., была подана с пропуском срока и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 1 и 4 Конвенции (см. *Salmanov v. Russia* (реш.), № 3522/04, 19 января 2006; *Korchuganova v. Russia*, № 75039/01, § 44, 8 июня 2006; и *Pavlik v. Slovakia*, № 74827/01, § 89, 30 января 2007, с дополнительными ссылками).

72. Далее, Суд отмечает, что остальная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба в этой части объявляется приемлемой.

2. По существу

(а) Общие принципы

73. Суд повторяет, что термины статьи 5 § 1 «законное» и «в порядке, установленном законом», по сути, отсылают к национальному законодательству и устанавливают обязательство соблюдать его материальные и процессуальные нормы. Однако «законность» содержания под стражей по национальному праву не всегда является решающим моментом. Суд должен убедиться еще и в том, что содержание под стражей в течение рассматриваемого периода соответствовало цели статьи 5 § 1 Конвенции. Целью же данной статьи является предотвращение произвольного лишения свободы.

74. Более того, Суд должен установить, соответствует ли само национальное законодательство Конвенции, включая ее общие принципы, закрепленные в Конвенции либо вытекающие из нее. В этом отношении Суд подчеркивает, что в случае лишения свободы

особенно важно соблюдение принципа правовой определенности. Следовательно, важно, чтобы основания лишения свободы, предусмотренные национальным законодательством, были четко определены, а также чтобы можно было предвидеть применение самого закона. Только тогда будет соблюден стандарт «законности», установленный Конвенцией. Данный стандарт предусматривает, что всякий закон должен быть достаточно точным, чтобы лицо могло – при необходимости получив соответствующую консультацию – предвидеть, в пределах, разумных для данной ситуации, последствия, которые может повлечь конкретное деяние (см. *Ječius v. Lithuania*, № 34578/97, § 56, ЕСПЧ 2000-IX и *Baranowski v. Poland*, № 28358/95, §§ 50-52, ЕСПЧ 2000-III).

(b) Применение общих принципов к данному делу

(i) Содержание под стражей с 17 декабря 2001 г. по 12 июля 2002 г.

75. Суд повторяет, что 17 декабря 2001 г. генеральная прокуратура продлил срок содержания заявителя под стражей до 4 апреля 2002 г. 20 марта 2002 г. генеральный прокурор вынес еще одно постановление, которым срок содержания заявителя под стражей был продлен до 4 июня 2002 г. 29 апреля 2002 г. последовало еще одно продление срока, до 4 августа 2002 г. Все три решения о продлении были обоснованы одинаково: заявителю было предъявлено обвинение в тяжких преступлениях и в случае освобождения он может скрыться либо воспрепятствовать рассмотрению дела. 28 июня 2002 г. заявитель был предан суду. С этого момента его содержание под стражей рассматривалось как «во время суда» (см. выше, параграфы 60 и 62). 12 июля 2002 г. Московский городской суд провел предварительное слушание, отметив, что заявитель должен быть оставлен под стражей.

76. Суд должен установить, было ли содержание заявителя под стражей с 17 декабря 2001 г. по 12 июля 2002 г. «законным». Суд отмечает, что генеральная прокуратура действовала в пределах своих полномочий, когда выносила постановления о продлении сроков содержания под стражей. Ничто не позволяет предположить, что эти постановления были недействительными либо незаконными по смыслу национального законодательства (см. выше, параграфы 56 и 57). Вопрос о том, являлись ли основания продления достаточными и вескими, будет рассмотрен ниже в связи с соблюдением статьи 5 § 3. По целому ряду дел Суд ранее признал, что подобные решения прокуроров соответствуют статье 5 § 1 Конвенции (см., к примеру, *Schiesser v. Switzerland*, постановление от 4 декабря 1979, Series A № 34, § 25). В данном деле нет ничего, что позволило бы прийти к иному заключению.

77. Суд считает вышеприведенные соображения достаточными для вывода о том, что в связи с содержанием заявителя под стражей с 17 декабря 2001 г. по 12 июля 2002 г. нарушения статьи 5 § 1 (с) Конвенции не было.

(ii) Содержание под стражей с 12 июля по 27 декабря 2002 г.

78. Суд напоминает, что 12 июля 2002 г. Московский городской суд постановил «оставить без изменений» меру пресечения в отношении заявителя. На следующем заседании, которое состоялось 2 августа 2002 г., Московский городской суд принял решение в возвращении уголовного дела следственным органам для исправления конкретных процессуальных нарушений. При этом Мосгорсуд вновь постановил оставить без изменений меру пресечения в отношении заявителя. 9 октября 2002 г. Верховный Суд отменил решение Московского городского суда от 2 августа 2002 г. и указал, что заявитель должен быть оставлен под стражей. 28 ноября 2002 г. Мосгорсуд назначил предварительное слушание и постановил «оставить без изменений» содержание заявителя под стражей. 27 декабря 2002 г. Мосгорсуд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 28 марта 2003 г. в связи с тем, что он обвинялся в совершении тяжких преступлений. Кассационная инстанция оставила постановление от 27 декабря 2002 г. без изменений.

79. Суд отмечает, что 12 июля, 2 августа, 9 октября и 28 ноября 2002 г. городской суд и Верховный Суд никак не обосновали свои решения об оставлении заявителя под стражей. Они также не установили какие-либо сроки продления. Если оставить в стороне параллельные события в деле заявителя (которые рассматриваются ниже), то окажется, что на протяжении более чем пяти месяцев, т.е. с 12 июля по 27 декабря 2002 г., заявитель пребывал в неведении относительно оснований для его содержания под стражей. 27 декабря 2002 г. Мосгорсуд продлил срок содержания заявителя под стражей до 28 марта 2003 г. и указал определенные основания для продления.

80. Суд уже признавал нарушение статьи 5 § 1 (с) Конвенции по целому ряду дел с аналогичными обстоятельствами. В частности, Суд указывал, что если судебные органы никак не обосновывают свои решения о длительном продлении срока содержания под стражей, это противоречит принципу защиты от произвола, заложенному в статье 5 § 1 (см. *Nakhmanovich v. Russia*, № 55669/00, §§ 70-71, 2 марта 2006 и *Stašaitis v. Lithuania*, № 47679/99, § 67, 21 марта 2002). Если будет допущено, чтобы обвиняемые томились в заключении при отсутствии основанного на конкретных доводах решения суда и без того, чтобы был установлен конкретный срок содержания под стражей, это будет равносильно попранию статьи 5 Конвенции. Данная норма рассматривает заключение под стражу как исключительное

отступление от права на свободу, допустимое только в строго определенных случаях, перечень которых является исчерпывающим (см. *Khudoyorov v. Russia*, № 6847/02, § 142, ЕСПЧ 2005-X).

81. Суд не видит оснований для иного вывода по данному делу. Он считает, что постановления Мосгорсуда от 12 июля, 2 августа и 28 ноября 2002 г., а также постановление Верховного Суда от 9 октября 2002 г. не соответствовали требованиям ясности, предсказуемости и защиты от произвола, которые все вместе являются сущностными элементами понятия «законности» содержания под стражей по смыслу статьи 5 § 1 (с).

82. Таким образом, Суд признает, что в связи с содержанием заявителя под стражей с 12 июля по 27 декабря 2002 г. имело место нарушение статьи 5 § 1 (с) Конвенции.

(iii) Содержание под стражей с 27 декабря 2002 г. по 18 августа 2003 г.

83. Суд отмечает, что срок содержания заявителя под стражей в этот период трижды продлевался Мосгорсудом на основании тяжести инкриминируемых ему деяний и незавершенности судебного разбирательства.

84. Суд повторяет, что постановление суда первой инстанции об оставлении меры пресечения не нарушает статьи 5 § 1 Конвенции, если суд первой инстанции «действовал в пределах своей компетенции ... [и] был уполномочен принять соответствующее решение» (см. *Korchuganova v. Russia*, № 75039/01, § 62, 8 июня 2006).

85. Суд первой инстанции действовал в пределах своей компетенции, когда он выносил данные постановления. Ничто не позволяет предположить, что данные постановления были недействительными либо незаконными по смыслу национального законодательства. Не было жалоб и на то, что эти постановления иным образом нарушали требования статьи 5 § 1 (с), а вопрос о том, были ли достаточными и вескими основания, указанные в них, будет рассмотрен ниже в контексте статьи 5 § 3 Конвенции.

86. Соответственно, Суд считает, что в отношении постановлений о продлении, вынесенных с 27 декабря 2002 г. по 18 августа 2003 г., нарушения статьи 5 § 1 (с) Конвенции не было.

3. Общий вывод

87. Суд установил, что в отношении содержания заявителя под стражей с 17 декабря 2001 г. по 12 июля 2002 г. и с 27 декабря 2002 г. по 18 августа 2003 г. нарушения статьи 5 § 1 (с) Конвенции не было.

88. Суд признал, что имело место нарушение статьи 5 § 1 (с) Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей с 12 июля по 27 декабря 2002 г.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 3 КОНВЕНЦИИ

89. Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей было чрезмерно длительным. Суд считает, что данная жалоба должна быть рассмотрена в соответствии со статьей 5 § 3 Конвенции, которая гласит:

“Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с пунктом 1 (с) данной Статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда...”

A. Доводы сторон

90. Правительство указало, что длительность содержания заявителя под стражей не была чрезмерной. Она не превысила максимального срока содержания под стражей, установленного российским законодательством в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Далее, правительство отметило, что неоднократное продление срока содержания заявителя под стражей было необходимо с учетом обстоятельств дела, в частности, в связи с неявкой защитника заявителя на два судебных заседания, а также с опасением, что в случае освобождения заявитель мог продолжить заниматься преступной деятельностью, скрыться от суда и следствия либо воспрепятствовать рассмотрению дела.

91. Заявитель возражал, что национальные суды не представили каких-либо доказательств того, что он мог продолжать заниматься преступной деятельностью, скрыться от суда и следствия либо воспрепятствовать отправлению правосудия. Единственным основанием его длительного содержания под стражей была тяжесть предъявленного ему обвинения.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

92. Суд отмечает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная часть жалоба объявляется приемлемой.

2. По существу

(а) Общие принципы

93. В соответствии с прецедентным правом Суда, проблема разумности срока содержания под стражей не может рассматриваться *in abstracto* [отвлеченно]. В каждом деле необходимо отдельно рассматривать вопрос обоснованности оставления обвиняемого под стражей, исходя из конкретных особенностей дела. Продолжительное содержание под стражей является обоснованным только при наличии особых признаков реальной необходимости с точки зрения общественных интересов, которая, несмотря на принцип презумпции невиновности, является более значимой, чем правило уважения свободы личности. Именно судебные органы в первую очередь должны обеспечить, чтобы длительность досудебного содержания обвиняемого под стражей в каждом конкретном деле не превышала разумных пределов. С этой целью они должны изучить все доводы за и против наличия реальной необходимости с точки зрения общественных интересов, которые оправдывают отступление от принципа уважения личной свободы. При этом необходимо уделить должное внимание принципу презумпции невиновности. Далее, судебные органы должны изложить такие доводы в своих решениях, где они отказывают в освобождении. Главным образом именно с учетом оснований, указанных в таких решениях, а также реальных обстоятельств, указанных заявителем в его жалобах, Суд должен решить, имело ли место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции или нет (см. *Labita v. Italy* [БП], № 26772/95, § 152, ЕСПЧ 2000-IV).

94. Доводы за и против освобождения не должны быть «общими и абстрактными» (см. *Smirnova v. Russia*, №№ 46133/99 и 48183/99, § 63, ЕСПЧ 2003-IX). Если закон указывает факторы, относящиеся к основаниям длительного содержания под стражей, необходимо убедительно доказать существование конкретных обстоятельств, более значимых, чем принцип уважения личной свободы (см. *Ilijkov v. Bulgaria*, № 33977/96, § 84, 26 июля 2001).

95. Сохранение обоснованных подозрений в том, что заключенный под стражу совершил преступное деяние, является неперенным условием законности продолжительного содержания под стражей. Однако по прошествии определенного периода они становятся недостаточными. В таких случаях Суд должен установить, все еще оправдывалось ли лишение свободы иными основаниями, указанными судебными органами. Если такие основания были «вескими» и «достаточными», Суд должен также установить, проявили ли компетентные национальные органы «должное прилежание» при проведении уголовного преследования (см. *Labita*, § 153).

(b) Применение общих принципов к данному делу*(i) Рассматриваемый период*

96. Суд отмечает, что заявитель содержался под стражей с 4 мая 2001 г., когда он был задержан, по 18 августа 2003 г., когда он был осужден. Таким образом, общий срок содержания под стражей составил два года, три месяца и пятнадцать дней. Оценивая ситуацию, Суд будет учитывать свой вывод о том, что с 12 июля по 27 декабря 2002 г. заявитель содержался под стражей в нарушение положений статьи 5 § 1 (с) Конвенции (см. *Goral v. Poland*, № 38654/97, §§ 58 и 61, 30 октября 2003 и *Stašaitis*, §§ 81-85).

(ii) Разумность срока содержания под стражей

97. Суд допускает, что содержание заявителя под стражей изначально могло быть оправдано обоснованными подозрениями во взяточничестве и в коррупции. В своем постановлении от 7 мая 2001 г. заместитель прокурора г. Москвы в качестве оснований для заключения заявителя под стражу сослался на тяжесть предъявленного ему обвинения и необходимость помешать заявителю продолжить занятие преступной деятельностью, а также скрыться от суда и следствия и воспрепятствовать производству по делу. На этой стадии производства данные основания могли оправдывать содержание заявителя под стражей (см. *Khudoyorov*, § 176).

98. Однако по прошествии времени данные основания неизбежно теряли в вескости. Соответственно, обязанностью властей было более подробно изучить личностную ситуацию заявителя и указать конкретные основания для его содержания под стражей.

99. Суд повторяет, что после 7 мая 2001 г. содержание заявителя под стражей продлевалось тринадцать раз. Когда национальные власти продлевали содержание заявителя под стражей или рассматривали законность и обоснованность продления срока содержания под стражей, они ссылались на тяжесть предъявленного ему обвинения как на основной фактор. Они также ссылались на то, что заявитель может скрыться, воспрепятствовать отправлению правосудия или продолжить заниматься преступной деятельностью.

100. Что касается того обстоятельства, что национальные власти ссылались на тяжесть предъявленного заявителю обвинения как на решающий фактор, Суд неоднократно указывал, что тяжесть обвинения сама по себе не может служить оправданием длительных периодов содержания под стражей (см. *Panchenko v. Russia*, № 45100/98, § 102, 8 февраля 2005; *Goral v. Poland*, № 38654/97, § 68, 30 октября 2003 и *Ilijkov v. Bulgaria*, № 33977/96, § 81, 26 июля 2001). Это особенно верно для российской правовой системы, где правовая квалификация деяний - а соответственно, и грозящего заявителю

наказания – осуществляется прокуратурой. При этом судебные органы не проверяют, подтверждается ли обоснованность подозрений в том, что заявитель совершил вменяемые ему деяния, доказательствами по делу (см. *Khudoyorov*, § 180).

101. Другими основаниями для продолжительного содержания заявителей под стражей являлись предположения национальных властей о том, что заявитель мог скрыться, воспрепятствовать отправлению правосудия либо продолжить заниматься преступной деятельностью. Суд повторяет, что национальные власти обязаны установить наличие конкретных обстоятельств, относящихся к основаниям для продления срока содержания под стражей. Смещение бремени доказывания данных вопросов на заключенного равносильно извращению принципа, заложенного в статье 5 Конвенции. Данная статья рассматривает заключение под стражу как исключительное отступление от права на свободу, которое возможно только в строго определенных случаях, перечень которых является исчерпывающим (см. *Rokhlina v. Russia*, № 54071/00, § 67, 7 апреля 2005). Остается выяснить, было ли национальными властями установлено и убедительно доказано наличие конкретных обстоятельств, подтверждающих их предположения.

102. Суд отмечает, что национальные власти оценивали вероятность того, что заявитель скроется либо продолжит заниматься преступной деятельностью, исходя из предъявленных ему обвинений в совершении тяжких преступлений, т.е. из того, что заявителю грозило суровое наказание. В этом отношении Суд повторяет, что, хотя суровость предполагаемого наказания является важным элементом при оценке той вероятности, что заявитель скроется или продолжит заниматься преступной деятельностью, необходимость продолжения лишения свободы нельзя оценивать в чистой абстракции. Ее нужно оценивать со ссылкой на целый ряд иных важных факторов, которые могут либо подтвердить существование вероятности, что заявитель скроется либо продолжит заниматься преступной деятельностью, либо показать, что она так невелика, что не может оправдывать досудебное содержание под стражей (см. *Letellier v. France*, постановление от 26 июня 1991, Series A № 207, § 431 и *Panchenko*, § 106). В данном деле национальные власти не упомянули ни одного конкретного обстоятельства, оправдывающего содержание заявителя под стражей на данном основании, за исключением беглой ссылки на «личностные данные» о заявителе. Власти не указали ни одного обстоятельства, которое позволило бы предположить, что в случае освобождения заявитель скроется от правосудия либо иначе воспрепятствует производству по делу. Суд считает, что существование такой вероятности установлено не было.

103. Далее, Суд подчеркивает, что, принимая решение об освобождении лица либо о его оставлении под стражей, в соответствии со статьей 5 § 3 Конвенции власти обязаны рассмотреть вопрос о возможности применения иных мер обеспечения его явки в суд (см. *Sulaoja v. Estonia*, № 55939/00, § 64, 15 февраля 2005; *Jabłoński v. Poland*, № 33492/96, § 83, 21 декабря 2000). Ни разу во время производства по данному делу национальные суды не объяснили в своих решениях, почему надлежащее отправление правосудия не могло быть обеспечено иными мерами пресечения, отличными от лишения свободы. Данное упущение становится еще менее объяснимым, если учесть, что новый Уголовно-процессуальный кодекс четко требует, чтобы национальные суды рассматривали возможность применения более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражей (см. параграф 54 выше).

104. Итак, Суд считает, что решения национальных властей не были основаны на анализе всех значимых обстоятельств. Власти проигнорировали доводы в пользу освобождения заявителя, например, его семейное положение. Суд выражает особую озабоченность тем фактом, что российские власти постоянно использовали однотипную, слишком общую формулировку в обоснование продления срока содержания под стражей. Так, во всех решениях прокуратуры воспроизведена одна и та же фраза. Суд также учитывает то обстоятельство, что в постановлениях Московского городского суда от 12 июля, 2 августа и 28 ноября 2002 г., а также в постановлении Верховного Суда от 9 октября 2002 г. вообще не указывались основания продления срока. Суды лишь отмечали, что заявитель должен быть оставлен под стражей. Еще более поразительным является то, что на тот момент заявитель уже провел более года под стражей; расследование было закончено, а дело передано в суд.

105. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что, не изучая конкретные значимые обстоятельства и не рассматривая возможность применения альтернативной меры пресечения, а также ссылаясь в основном на тяжесть обвинения, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые невозможно признать «достаточными». Таким образом, власти никак не обосновали необходимость продления лишения заявителя свободы на протяжении двух лет и почти четырех месяцев. Следовательно, нет необходимости рассматривать, проводилось ли с должным прилежанием уголовное преследование в течение этого срока, так как он не может быть признан обоснованным по смыслу статьи 5 § 3 Конвенции (см. *Pečov v. Bulgaria*, № 50358/99, § 85, 30 марта 2006).

106. Следовательно, имело место нарушение данной статьи.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

107. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 5 § 4 Конвенции на отсутствие «безотлагательных» решений по вопросу о правомерности его содержания под стражей, а также на то, что его жалобы на постановления о продлении срока содержания под стражей от 20 марта и 29 апреля 2002 г. не были рассмотрены вовсе. Статья 5 § 4 предусматривает:

“Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...”

A. Доводы сторон

108. Правительство указало, что, в соответствии с данными, предоставленными Верховным Судом Российской Федерации, национальные суды неоднократно нарушали сроки рассмотрения жалоб о правомерности содержания под стражей, установленные российским уголовно-процессуальным законодательством. Более того, жалоба заявителя от 22 мая 2002 г. на постановление от 29 апреля 2002 г. не была рассмотрена безотлагательно. Правительство отметило, что заявитель был признан виновным в совершении преступления, так что срок его досудебного содержания под стражей был засчитан в срок наказания.

109. Заявитель настаивал на своих жалобах.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

110. Суд отмечает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная часть жалоба объявляется приемлемой.

2. По существу

(a) Общие принципы

111. Суд повторяет, что статья 5 § 4, закрепляя за задержанными или заключенными под стражу право на обжалование правомерности их заключения под стражу, также провозглашает их право на безотлагательное судебное рассмотрение таких жалоб и на прекращение содержания под стражей, если оно будет признано незаконным. Хотя данная гарантия не налагает на государства-участники Конвенции обязанности учредить юрисдикцию второго уровня по рассмотрению правомерности заключения под стражу, государство, в котором существует такая система, в принципе должно предоставить заключенным те же гарантии обжалования, что и в органах первой инстанции (см. *Navarra v. France*, постановление от 23 ноября 1993, Series A № 273-B, § 28 и *Toth v. Austria*, постановление от 12 декабря 1991, Series A № 224, § 84). Требование о «безотлагательном» вынесении решения, несомненно, является одной из таких гарантий. В то время как срок в один год является самым общим правилом в делах, подпадающих под действие статьи 6 § 1 Конвенции, статья 5 § 4, которая регулирует вопросы личной свободы, требует особой расторопности (см. *Hutchison Reid v. the United Kingdom*, № 50272/99, § 79, ЕСПЧ 2003-IV). В данном контексте Суд также отмечает, что в делах с неоконченным судопроизводством существует особая потребность в скорейшем принятии решения о правомерности содержания под стражей, так как обвиняемый должен извлечь все преимущества из принципа презумпции невиновности (см. *Howiecki v. Poland*, № 27504/95, § 76, 4 октября 2001).

(b) Применение общих принципов к данному делу

(i) Безотлагательность рассмотрения

112. Суд отмечает, что на рассмотрение различных ходатайств об освобождении и жалоб на постановления, поданных заявителем, национальным судам потребовалось приблизительно семьдесят, восемьдесят четыре, шестьдесят семь, сто восемь, восемьдесят, сто сорок шесть, восемьдесят один и шестьдесят дней (см. выше, параграфы 12-14, 16-18, 30-32, 33-34, 36, 38-39, 41-42 и 44-45). Ничто не позволяет предположить, что задержки в рассмотрении ходатайств и жалоб имели место по вине заявителя. Суд считает, что данные восемь периодов не могут быть признаны соответствующими требованию «безотлагательности» статьи 5 § 4, особенно если принять во внимание тот факт, что их общая длительность имела место по вине властей (см., к примеру, *Mamedova v. Russia*, № 7064/05, § 96, 1 июня 2006; *Khudoyorov*, §§ 198 и 203; и *Rehbock v. Slovenia*, № 29462/95, §§ 85-86, ЕСПЧ 2000-XII, где не было признано «безотлагательным» рассмотрение жалобы в течение двадцати трех дней).

113. Суд также отмечает, что тот факт, что заявитель был признан виновным в совершении преступления и что срок его содержания под стражей был засчитан в срок наказания, в принципе не может оправдывать отсутствие безотлагательного рассмотрения его ходатайств и жалоб (см. *Bednov v. Russia*, № 21153/02, § 33, 1 июня 2006).

114. Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

(ii) Жалобы на постановления от 20 марта и 29 апреля 2002 г.

115. Суд отмечает, что 20 марта 2002 г. генеральная прокуратура продлила срок содержания заявителя под стражей до 4 июня 2002 г. 10 апреля 2002 г. районный суд оставил постановление без изменений. Однако 28 мая 2002 г. Мосгорсуд отменил решение от 10 апреля 2002 г. и направил дело на новое рассмотрение в районный суд. Тем временем, 29 апреля 2002 г. генеральная прокуратура вновь продлила срок содержания заявителя под стражей, на этот раз до 4 августа 2002 г. 22 мая 2002 г. заявитель обжаловал постановление от 29 апреля 2002 г. в районный суд. 1 июля 2002 г. Преображенский районный суд прекратил производство в отношении обоих постановлений, от 20 марта и 29 апреля 2002 г. Суд сослался на вступление в силу 1 июля 2002 г. нового Уголовно-процессуального кодекса.

116. Суд напоминает, что статья 5 § 4 Конвенции закрепляет за задержанными и заключенными под стражу право на рассмотрение жалоб, затрагивающих процессуальные и материальные основания, имеющие определяющее значение для «правомерности», по смыслу Конвенции, лишения свободы. Это значит, что компетентный суд должен решить вопрос не только о соблюдении процессуальных требований национального права, но и об обоснованности подозрений, на основании которых лицо было заключено под стражу, а также о легитимности цели, которую преследует заключение под стражу и последующее содержание под стражей (см. *Grauslys v. Lithuania*, № 36743/97, § 53, 10 октября 2000). В исполнение требований статьи 5 § 4 Конвенции, «рассмотрение правомерности заключения под стражу» должно соответствовать как процессуальным, так и материальным нормам национального законодательства. Более того, такое рассмотрение должно соответствовать цели статьи 5, а именно защите лица от произвола (см. *Keus v. the Netherlands*, постановление от 25 октября 1990, Series A № 185 C, § 24).

117. В связи с обстоятельствами данного дела, Суд отмечает, что 1 июля 2002 г. районный суд отказал в рассмотрении жалоб заявителя на неправомерность продления срока содержания под стражей, так как этому якобы препятствовал вступивший в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс. Однако Правительство не указало, какая

норма национального права позволяла районному суду принять решение об отказе в рассмотрении жалобы на постановление о продлении срока содержания под стражей. В решении от 1 июля такая норма также не указана.

118. Учитывая недвусмысленный отказ районного суда рассмотреть вопрос о продлении срока содержания заявителя под стражей, равно как и принять к сведению хотя бы один из доводов заявителя относительно неправомерности его содержания под стражей, Суд считает, что такое решение не являлось надлежащей реакцией суда в соответствии с целями статьи 5 § 4 Конвенции, что составило нарушение права заявителя на рассмотрение правомерности его содержания под стражей.

119. Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в связи с отсутствием рассмотрения по существу жалоб заявителя на постановления от 20 марта и 29 апреля 2002 г.

IV. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

120. Заявитель также жаловался в соответствии со статьями 3, 5, 6, 13 и 18 Конвенции на то, что он не был незамедлительно уведомлен о характере предъявленного ему обвинения; что национальные суды не рассматривали его ходатайства о проведении следственных мероприятий, а также что они отклоняли такие ходатайства; что он содержался в изоляторе временного содержания на протяжении семи дней после задержания и что после того, как он был переведен в следственный изолятор № 77/1, он был помещен в штрафной изолятор; что его права были ограничены по иным основаниям, чем предусмотрено законом. Заявитель также жаловался на чрезмерную длительность уголовного преследования и на ненадлежащие условия его конвоирования в здание суда и обратно, которые могли привести к нарушению его права на подготовку защиты.

121. Учитывая все представленные Суду материалы, а также в той степени, в какой данные жалобы подпадают под юрисдикцию Суда *ratione materiae*, Суд не усматривает из представленных доказательств нарушений прав и свобод, закрепленных в Конвенции или Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

122. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

123. Заявитель не предъявлял требования о выплате справедливой компенсации. Соответственно, Суд считает, что заявитель не просил о выплате какой-либо суммы.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобы заявителя на незаконность содержания под стражей после 17 декабря 2001 г., на чрезмерную длительность содержания под стражей, на отсутствие «безотлагательного» рассмотрения правомерности содержания под стражей и на отсутствие рассмотрения жалоб на постановления от 20 марта и 29 апреля 2002 г. приемлемыми, остальную часть жалобы – неприемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей с 12 июля по 27 декабря 2002 г.;
3. *Постановил*, что не было нарушения статьи 5 § 1 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей с 17 декабря 2001 по 12 июля 2002 г. и с 27 декабря 2002 г. по 18 августа 2003 г.;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции в связи с длительностью содержания заявителя под стражей;
5. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в связи с задержками в рассмотрении правомерности содержания заявителя под стражей и с отсутствием рассмотрения по существу жалоб заявителя на постановления от 20 марта и 29 апреля 2002 г.;
6. *Постановил*, что не было просьбы о выплате справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 24 мая 2007 г. в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Регистратор

Христос Розакис
Председатель